

ПОЭЗИЯ ЕГО ПЕДАГОГИКИ.

«Педагогическая поэма» - книга для всей семьи. Тема «Поэмы» больше, чем педагогика.

А.С. Макаренко – признанный классик мировой и отечественной педагогики. В 1988 году решением ЮНЕСКО его имя вошло в число четырех педагогов мира, определивших стиль педагогического мышления в XX веке. Это – Джон Дьюи, Георг Кершенштайнер, Мария Монтессори и Антон Семенович Макаренко. О себе говорил: «Я чувствую себя педагогом не только прежде всего, а везде и всюду педагогом».

Поэзия его человеческого и учительского подвига, поэзия постижения и преобразования жизни его воспитанников логически вылилась в «Педагогическую поэму» – одну из самых удивительных и читаемых книг мировой литературы. Над ней Антон Семенович работал 10 лет, с 1925 по 1935 гг.

Выхода всех её трёх частей ожидал сам А.М. Горький, глашатай нового мира и человека, шеф и друг колонии для малолетних преступников, всячески способствуя её написанию и появлению, и даже поторапливая. Ему она и посвящена. Рукопись не успела залежаться на полке. Читатели могли начать знакомство с «Поэмой», начиная с 1933 года, в каждый последующий год дописывалась и публиковалась новая часть.

К марту 1936 года вышли в свет все части в журнальном варианте и отдельным изданием. Книга дышала самой жизнью, поражала сюжетом, совпадала с мощным ритмом строительства новой жизни, новой страны.

Только при жизни автора, начиная с 1933 и по 1 апреля 1939 года вышло 14 книжных и журнальных публикаций «Педагогической поэмы» общим тиражом 363 200 экземпляров согласно данным лаборатории «Макаренко-реферат» (ФРГ, 1976). Также при жизни Антона Семёновича «Поэма» была переведена на английский, французский, голландский языки. После Макаренко количество изданий «Поэмы» на всех языках Европы, стран Азии, многочисленных народов Индии, пожалуй, не подлежит подсчёту. Скажем только, что книги Макаренко по совокупности всех тиражей превзошли многие популярные издания.

Секрет вечной молодости «Поэмы» заключается в глубоком проникновении автора в социальные проблемы своего времени, в деятельной любви к детям, в том, что автору удалось сказать свою пусть не очень большую, но необходимую правду. Как педагог, он перспективно и смело прокладывал пути новой советской системы воспитания.

Уверена, что сегодня в зале нет человека, который не читал бы «Педагогическую поэму». И все же в год юбилея позвольте несколько слов, собственных впечатлений об этом произведении искусства – искусства слова. Это не филологический анализ, не педагогическое исследование, это именно личные впечатления человека искренне любящего свою работу и этот дом.

«Поэма» задумывалась как педагогический труд, где излагались бы принципы и методы воспитания нового человека. Скоро Макаренко понял,

что такая книга будет понятна только специалистам, а он искал широкого читателя. Поэтому автор отказывается от формы мемуаров, а выбирает беллетристическую форму.

В романе-поэме А. С. Макаренко, педагога и писателя, раскрывается история рождения и развития колонии им. М. Горького и коллектива горьковцев (1920 — 1928 гг.). Первыми воспитанниками были несовершеннолетние правонарушители: подростки, юноши, а позже беспризорные дети. Нравственный переворот в их воспитании происходил не сразу, а в ходе длительной, трудной и самоотверженной борьбы педагогов-воспитателей во главе с А. С. Макаренко за личность, нравственно-светлую.

Чёткая, продуманная организация детской жизни, нацеленная на воспитание достойного гражданина Отечества, позволили добиться положительного результата, когда, по словам Макаренко, «в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины» рождалась новая педагогика.

Главные особенности этой педагогической системы:

а) признание в качестве важнейших не только учебных, но и воспитательных задач и чёткое разделение их, как двух качественно разных видов педагогической деятельности, для решения каждой из которых применялись свои, существенно разные подходы: для учебных задач – известная классно-урочная система; для воспитательных задач – выстраивание коллектива воспитанников с самоуправляемыми связями внутри этого коллектива.

б) Существенно разное понимание «поддержания порядка» при решении учебных и воспитательных задач. А именно: при обучении и помощи в выборе будущей профессии - учёт существенного разнообразия состава и величины природных способностей (и ограничений) воспитанников. Иными словами – ни от кого из учащихся не требовалось 100% успеваемости по всем учебным предметам сразу. В тоже время определённое и нередко жёсткое требование 100% выполнения всеми членами колониистского коллектива (включая сотрудников) установленных правил поведения в колонии.

в) осуществление на деле подхода «Труд – всему голова», а именно – основа достойного самообеспечения колонии первоначально питанием, одеждой, средствами труда, передвижения, затем (в самом скором времени) - и культурного досуга (колониистские библиотека, кино, театр, оркестр), деятельности разнообразных кружков. Труд – как одно из наиболее успешных и производительных физических и умственных упражнений.

Кажется, все просто, все необыкновенно актуально и сегодня. Только повторить это все в реальном опыте работы с детьми – труд необыкновенный, ежесекундный, прежде всего труд души.

Цитировать педагогическую поэму можно многократно. Позвольте, несколько моих самых любимых «кусочков».

В декабре 1927 года в специально выстроенном чекистами дворце открылась коммуна имени Дзержинского, Это вышло очень тепло и очень

трогательно. Пятьдесят воспитанников-горьковцев, - пишет с любовью Макаренко, - «оделись в новые костюмы, в пушистые бобриковые пальто, простились с товарищами и потопали через город в своё новое жилище. Собранные в кучку, они казались нам очень маленькими и похожими на хороших чёрненьких цыплят. Они пришли в коммуну, покрытые хлопьями снега, как пухом, радостные и румяные. Так же как цыплята, они бодро забегали по коммуне и застучали клювами по различным оргвопросам. Уже через пятнадцать минут у них был совет командиров и третий сводный отряд приступил к переноске кроватей». Произошло «почкование» здорового, сильного коллектива.

То, за что Макаренко получил оценку «аракчеевщина», было, в действительности, предметом его гордости – военный строй и выправка. Описанию его он посвящает немало строк. «В дни пролетарских праздников колония с барабанным грохотом вступала в город, поражая горожан и впечатлительных педагогов суровой стройностью, железной дисциплиной и своеобразной фасонной выправкой.

Одѣжную бедность мы легко преодолели благодаря нашей изобретательности и смелости. Мы были решительными противниками ситцевых костюмов, этой возмутительной особенности детских домов. Более дорогих костюмов и красивой обуви мы не имели. Поэтому на парады мы приходили босиком, но это имело такой вид, как будто это нарочно. Ребята блистали чистыми белыми сорочками. Штаны хорошие, чёрные, они подвёрнуты до колен и сияют внизу белыми отворотами чистого белья. И рукава сорочек подняты выше локтя. Получался очень нарядный, весёлый строй несколько селянского рисунка».

Кульминацией и осязаемым результатом работы стали проводы на рабфак в конце 1923 года. «К рабфаку готовились ежедневно, дело это было радостным и победным, о нём жадно мечтали, а вот пришёл день прощанья и у всех засосало под ложечкой, навернулись слёзы: была колония, жила, работала, смеялась, а теперь вот разъезжаются. Из колонии уезжают настоящие люди, которым так сладко подражать. Сами рабфаковцы имели такой вид, будто их приготовили для того, чтобы принести в жертву «многим богам необходимости и судьбы». Педагог открывается читателю: «В ту ночь, ночь моего первого настоящего выпуска «я думал о том, что жизнь моя каторжная и несправедливая. О том, что я положил лучший кусок жизни только для того, чтобы полдюжины «правонарушителей» могли поступить на рабфак, что на рабфаке и в городе они подвергнутся новым влияниям, которыми я не могу управлять, и кто его знает, чем всё это кончится? Может быть, мой труд и моя жертва окажутся просто ненужными никому сгустком бесплодно израсходованной энергии?..».

Мне тогда казалось, что сто двадцать колонистов – это не просто сто двадцать беспризорных, нашедших для себя дом и работу. Нет, это сотня этических напряжений, сотня музыкально настроенных энергий, сотня благодатных дождей, которых сама природа, и та ожидает с нетерпением и радостью».

В книге речь идет о реальных событиях, о героях, списанных с натуры. Большинство героев книги имеют прототипов. Некоторым из них автор оставил подлинные имена (Антон Семенович Макаренко, Калина Иванович Сердюк, Коваль), другим незначительно изменил, намекая на реальный прообраз (Калабалин — Карабанов, Супрун — Бурун, Колос — Голос, Браткевич — Братченко, Шершнева — Вершнева, Фере — Шере, Б. Ф. Григорович — Екатерина Григорьевна).

Новое положение воспитателя и воспитанника в едином коллективе, когда утверждалось непривычное понимание педагогической задачи — отнюдь не воспитывать, а быть с ребятами вместе во всех ситуациях, вместе работать и преодолевать всё, что выпадет. Читатель с интересом будет следить за событиями в колонии и сможет увидеть, чем занимается заведующий колонией. Он, как будто бы и не занимается вовсе педагогикой

Если посмотреть так сказать современные произведения о воспитании и перевоспитании, их объединяет вот что. Путь вовлечения в преступное сообщество, как правило, показывается с неременной блатной романтикой, более ярко и захватывающе, чем обратный путь. Возвращение к полноценной жизни, перевоспитание очень часто схематизировано, не особенно убедительно, часто производит впечатление почти что фокуса, невидимой химической реакции или полусказочного хэппи-энда.

Этого никак нельзя сказать о «Педагогической поэме». Там представлена редкая обратная пропорция: очень мало о прошлом преступников и бродяг (совершенно осознанная деликатность Макаренко), а большая часть — это их преображение, предстающее на глазах читателя и зрителя, ошеломляющее глубиной и достоверностью характеров воспитанников, их могучим броском к новой жизни. Произведение Макаренко следует поставить в ряд особого жанра «романов воспитания».

Такой острый сюжет, жизненная достоверность диалогов и характеров, искры особо сочного украинского юмора, с искренними монологами автора, ведущего повествование от собственного лица, остроумно-саркастическая и горестная полемика с педагогическим начальством и «педагогическим Олимпом» (теоретиками педагогики) заставляет запомнить эту книгу, возвращаться к ней и полюбить навсегда.

«...Я нахожусь под сильнейшим впечатлением от «Педагогической поэмы». Я просто не понимаю, как я, зная про эту книгу, столько лет не удосужился её прочитать и высказать своё восхищение автору, ныне умершему... Вот подлинная романтика жизни, жестокая и неприкрытая. И вместе с тем только эта жизнь, как она есть и как она принимается людьми сильной воли, только она способна рождать такую красоту и человечность. Вот, где школа человеческого характера...» (*Исаак Осипович Дунаевский, композитор, 1950*).

Прошло время. В 2000 году Немецкое общество научной педагогики внесло макаренковскую «Педагогическую поэму» в 10 наиболее значительных книг по педагогике XX века.

Была и сильнейшая критика поэмы. У критика Ф. Левина встречались такие обороты: «добрый дядя Макаренко» пишет «сусальную сказку о том, чего не могло быть, нет и не будет». Сам Антон Семёнович был внутренне готов увидеть рецензию в духе того времени. К счастью, этого не случилось. Воспитанники-коммунары сразу же после смерти Макаренко заступились за честь своего Антона (так они называли его между собой), ответив открытым письмом (апрель 1939). В нём они заявляют, что «беспризорные такие же советские дети, как и все, хотят нормальной счастливой жизни. И очень вредно – искать в них какие-то «уродства».

Уроки демократии в трудовом коллективе Макаренко прошли около трёх тысяч воспитанников. Эти уроки были пройдены и в условиях полной нищеты 20-х годов, и в условиях экономической предприимчивости в коммуне. Никто из них не вернулся на преступный путь. Такой «безрецидивности» не знает ни одно государственное детское учреждение.

«Поэма» даёт уроки подлинной любви к детям, сдержанной и созидательной, без сюсюканья и заигрывания. Она даёт умение намечать перспективы. Она даёт импульс к собственному творчеству каждому педагогу подобно Макаренко, который будучи рядовым заведующим колонией осознавал себя создателем новой педагогики. И это ему удалось.

А вот как говорят о своем учителе бывшие воспитанники:

Корр.: Чему учил своих воспитанников Макаренко?

- Быть счастливыми людьми.

Корр.: Как вы объясняете феномен Макаренко-воспитателя?

- Феномена не было. Воспитывал он, как и жил, - сердцем.

Сочинение Шутеева Владимира

Педагогика не наука, а искусство, поскольку зависит как от личности воспитуемого, так и от личности воспитателя. Макаренко, это, понимал, раз назвал свою главную книгу «Педагогической поэмой».

Луи Арагон (Франция) писал о «Педагогической поэме»: «...эта книга беспрецедентна...Ничто не может, не в силах остановить её заражающего влияния, и ничто не может лишить её будущего. Я не знаю книги, более свободной от ханжества».

А сам Антон Макаренко, хоть и отрицал в себе педагогический талант и призвание, говорил: "Люблю я этот отдел человечества" и по ночам подсовывал малолетним преступникам под подушки конфеты.

Люблю я этот отдел человечества – говорит каждый из здесь присутствующих. Иначе его не было бы в этом зале.